

УДК 930.1

**ОБРАЗНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ СИМВОЛА
АВТОРА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
(ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В КОНТЕКСТЕ
КОНЦЕПЦИИ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ
ЭПОХ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ)**

Масаев М.В.

Анализируя невидимую структуру символа автора «Слова», автор статьи доказывает правильность открытия, сделанного в 1985 г. Л. Е. Махновцом о том, что автором «Слова» является князь Владимир Ярославич Галицкий, обнаружив полное соответствие видимого образа с невидимой структурой символа.

Ключевые слова: образ, символ, личность.

«Слово о полку Игореве»
– произведение удивительное,
сколько его не разгадывают,
как ни проясняют «тёмные места»,
оно всё равно продолжает дышать тайной».
Н. Я. Переяслов

Постановка проблемы. Даже будучи долгое время неизвестным, автор «Слова о полку Игореве» стал символом.

Как мы уже писали, символом может стать любой знак или образ, включённый в определённую систему социальных отношений [32, с. 133]. В этой системе знаки и образы приобретают новые системные качества [33], [34] и становятся символами, которые, кроме видимой структуры (знак, символ) приобретают структуру невидимую, подобно слову, имеющему, по М. М. Маковскому, невидимую структуру [35, с. 73]. «Эта невидимая структура и есть сущность символа, взятая сама по себе» [32, с. 133].

То, что личности могут быть символами и даже парадигмальными символами эпох и цивилизаций, мы говорили на XXVII Международных научных чтениях «Культура народов Причерноморья с древнейших времён до наших дней» 23 апреля 2009 года. Наш материал «Образы и символы пассионарных личностей в свете теории этногенеза Л. Н. Гумилёва и концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов» [36] был опубликован в журнале «Культура народов Причерноморья».

Символ автора «Слова о полку Игореве» живёт. Он удачно символизирует и героизм, и талантливость русского народа, а также его непокорный дух. Содержащиеся в нём призывы свидетельствуют о политической прозорливости и мудрости народа, давшего миру такое поистине великое произведение. Но известен этот символ был... без его видимой части – без образа самого автора.

Точнее, этот образ был. Образ всегда предшествует символу. Но образ этот был удалён из народной памяти. Этот образ был удалён в ходе символической войны, развязанной против автора «Слова» и стоящей за ним группировки русских князей другой группировкой русских князей, другим кланом Рюриковичей, корыстная политика которых привела к исчезновению из народной памяти автора «Слова», к устранению с политической арены противоборствующего клана Рюриковичей, к серьёзному ослаблению «империи Рюриковичей» (так называл Киевскую Русь Карл Маркс – М. М.) и катастрофе, вызванной монгольским нашествием. Последствия этой катастрофы в виде разделения русского этноса на великороссов, белорусов и украинцев мы с великой болью переживаем до настоящего времени. Исчез и сам текст «Слова». Но случайно вновь обретённый он помог возродиться и символу автора, имя которого продолжало оставаться неизвестным. Таким образом, в результате средневековой символической войны символу автора «Слова о полку Игореве» удалось выжить. Но выжил он, утратив свой видимый, точнее осязаемый образ – имя и портрет автора. Имя автора Иванами, «не помнящими родства», было забыто. Остался лишь символ, точнее его сущность, или невидимая часть. Если образ Бояна, произведения которого до нас не дошли (результат той же самой символической войны), мы могли видеть в иллюстрациях к русским народным сказкам и былинам и видеть и слышать его имя («все смолкли – слушают Бояна»), то имя автора «Слова» не называл ни А. С. Пушкин, ни нашедший рукопись «Слова» Мусин-Пушкин, а изобразить автора «Слова о полку Игореве» не решился никто. Разве только художник В. В. Бунь поместил в нижнем левом углу лицевой части обложки книги В. Д. Карпова «Герои «Слова о полку Игореве» и его автор» [21] профиль мужчины с ястребом на плече. Из содержания книги ясно, что это – автор «Слова о полку Игореве».

Но это ещё не образ символа автора «Слова о полку Игореве». Об образе символа автора «Слова о полку Игореве» можно будет говорить не просто, дав его безымянный словесный портрет и написав безымянную картину, а назвав его имя и восстановив его биографию.

Имя Бояна мы знаем, забыв и его произведения, и его биографию. И если восстановить биографию Бояна до сих пор не удаётся и вряд ли в обозримом будущем удастся, то имя и биография автора «Слова о полку Игореве» уже известны. Об этом писали и Л. Е. Махновец [8], и В. Д. Карпов [21], и М. В. Масаев [39-43].

Новизной работы является, с одной стороны, дополнительное доказательство того, что авторство «Слова о полку Игореве» принадлежит именно князю Владимиру Ярославичу Галицкому, а с другой стороны – философская экстраполяция символа автора «Слова» в контексте концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов.

И это актуально, ибо со времени открытия имени автора «Слова» в 1985 г. факт этот продолжает игнорироваться, как будто до сих пор в России, Украине и

Белоруссии правят потомки узурпировавшего перед нашествием монголов власть на Руси того клана Рюриковичей, которым было невыгодно сохранение в памяти народной автора «Слова».

Актуально также и установление того клана Рюриковичей, который уничтожал «Слово о полку Игореве», вытравливал из памяти народной имя его автора, и который несёт прямую ответственность за распад «империи Рюриковичей» на отдельные княжества и за катастрофическое поражение от монгольских полчищ, последствия которого мы болезненно переживаем до настоящего времени.

Цель работы – дополнительно доказать, с одной стороны, подлинность авторства «Слова о полку Игореве» Владимира Ярославича Галицкого, а с другой – философски экстраполировать символ автора «Слова» в контексте концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- установить, между какими кланами Рюриковичей шла борьба в «империи Рюриковичей»;
- какой клан несёт ответственность за отказ от старой формы наследования великокняжеского престола и за раздробленность Руси в целом;
- интересы какого клана Рюриковичей защищает автор «Слова»;
- какой клан Рюриковичей вышел победителем в борьбе за власть на Руси;
- почему имя автора «Слова» было предано забвению, а его произведение искажалось и уничтожалось;
- каковы были подлинные отношения русских князей с половцами, как князья различных кланов использовали половцев в борьбе за гегемонию на Руси;
- проследив ход символической войны между кланами Рюриковичей, показать роль символа как регулятора исторического процесса.

Приведённые в качестве эпиграфа слова Н. В. Переяслова о том, что «Слово о полку Игореве» продолжает дышать тайной» были опубликованы в июле 1994 года в журнале «Вопросы истории» (№ 7). В этом же году в Симферополе вышла книга члена союза журналистов, президента Акционерного общества «Елена» Владимира Дмитриевича Карпова «Герои «Слова о полку Игореве» и его автор», где раскрывается главная тайна «Слова», тайна его автора, где на 320 страницах доказывается, что автором шедевра древнерусской литературы является князь Владимир Ярославич Галицкий [21].

Книга В. Д. Карпова производит впечатление не простого «журналистского расследования», а серьёзного научного исследования проблемы. Это плод четырнадцати лет труда над 121 упомянутыми им источниками и монографическими исследованиями. Труд этот рецензировал доктор исторических наук Г. Д. Казьмирчук. С итогами труда неофициально, в устной беседе, согласился академик Б. А. Рыбаков.

В главе «Встреча с автором «Слова» В. Д. Карпов пишет об авторе «Слова» следующее: «Никто никогда не узнает его имени. Такой приговор сделал всем нам современным и будущим поколениям поэт Игорь Шклярёвский в публикации «С ястребом на плече» в № 44 от 30 октября 1985 года «Литературной газеты».

С каждым последующим номером, – продолжает В. Д. Карпов, – мы ждали, что кто-нибудь из учёных возразит поэту, расписавшемуся в собственном бессилии и заодно заранее обесславив остальных, т. е. нас и будущих исследователей. Но

ответа не последовало.... Значит, нам выпала честь первыми представить автора «Слова о полку Игореве» [21, с. 147]. Но В. Д. Карпов не заметил в прочитанной им статье Л. Е. Махновца, что имя автора «Слова о полку Игореве» ... уже известно. В том же 1985 г., когда появилась статья Игоря Шкляревского, доктор филологических наук Леонид Ефремович Махновец в журнале «Пам'ятки України» опубликовал статью «Про автора Слова», где он кратко, но весьма убедительно доказывает, что «Слово о полку Игореве» написал князь Владимир Ярославич Галицкий [8, с. 24-27].

За десять лет до выхода в свет книги В. Д. Карпова «Герои «Слова о полку Игореве» и его автор», а именно 26 мая 1984 года Леонид Ефремович Махновец, читая роман-эссе Владимира Чивилихина «Память», согласился с автором «Памяти», что «Слово о полку Игореве» мог написать только князь. Оставалось лишь выяснить, кто именно. Л. Е. Махновец составил список из 299 лиц княжеского рода, которые могли быть потенциальными авторами «Слова». Далее, методом исключения, доктор филологии пришел к выводу, что автором «Слова о полку Игореве» мог быть только сын Ярослава Осмомысла, зять Святослава Киевского и шурин Игоря Новгород-Северского Владимир Ярославич Галицкий. При этом Л. Е. Махновец обратил внимание на то, что в отношении князя Галицкого Ярослава Осмомысла автор «Слова» сначала употребляет выражение «на своём златокованом столе», а потом «с отня злата стола» [22, с. 21] вместо того, чтобы, согласно традиции, слово «отний» (отцовский) употребить в первом же случае. Так мог поступить только тот, для которого галицкий стол также был «отним», то есть это не кто иной, как сын Ярослава Осмомысла Владимир Ярославич Галицкий.

Сохранено это доказательство и в академическом тексте «Слова»: «... стреляеши съ отня злата стола салтани за землями» [23, с. 262], и в его академическом переводе: «... стреляешь с отцовского золотого престола в султанов за землями» [23, с. 262], и в переводе В. И. Стеллецкого: «... стреляешь с отчего золотого престола в султанов за землями» [24, с. 358], и в переводе Максима Рыльского: «... стріляєш із отчого столу золотого на султанів у далеких землях» [24, с. 312]. Нет этого доказательства в переводе В. Д. Карпова: «... отворял ты Киеву ворота, посылаешь полки на султанов, через многие страны [21, с. 268]. В. Д. Карпов «не заметил» этого доказательства авторства «Слова» по простой причине – это открытие Л. Е. Махновца, а В. Д. Карпову самому очень хотелось стать первооткрывателем автора «Слова».

Статья Л. Е. Махновца вышла на украинском языке, так что во всероссийском масштабе она не прозвучала, а во всеукраинском масштабе осталась незамеченной. Книга В. Д. Карпова вышла в Крыму и также не получила ни всероссийского, ни всеукраинского отклика. Так что для многих факт авторства Владимира Ярославича Галицкого остаётся неизвестным. Многие продолжают считать, что имя автора «Слова о полку Игореве» вообще неизвестно. Неизвестным же оно стало по причине политики потомков тех князей, которым досталось от автора «Слова». Князья эти происходили от Владимира Мономаха, коварного и нечестного соперника деда Игоря Новгород-Северского Олега Черниговского, прозванного в народе Гориславичем. Имя автора «Слова» было предано опале и обречено на забвение. Сам же автор был объявлен развратником и пьяницей. Поэтому многие продолжают считать, что в 1185 году Новгород-Северский князь Игорь провёл

неудачный сепаратный поход против половцев, который почему-то воспел автор «Слова», что крамолу на Руси сеял дед Игоря Олег Гориславич, а боролся с ней отец Владимира Мономаха и сам Владимир Мономах.

Но не сеял крамолу Олег Гориславич, а, по выражению автора «Слова», «ковал её мечом», как подковывает кузнец полубешеную необъезженную лошадь. Крамолу же сеял Владимир Мономах, научившись коварству от своих сродственников-греков. А о том, что «грецы коварны суть», было общеизвестно. Не даром «византийское коварство» вошло в поговорку.

Поход же Игоря в 1185 году планировался как общерусский с трёх направлений. И самым авторитетным князем на Руси был Игорь, под управлением которого была большая часть самого мощного в то время Черниговского княжества, правда, уже без Чернигова, вероломно отобранного у предков Игоря Владимиром Мономахом. А Святослав Киевский, хотя и сидел в Киеве, но даже титула великого князя не имел. Игорь должен был действовать на направлении главного удара. На флангах обязались оказывать поддержку киевляне и Владимиро-Суздальское княжество. Но киевская дружина, захватив богатую добычу, брошенную уклонившимися от сражения половцами, вернулась после начала похода в Киев. Владимиро-Суздальский князь Всеволод Большое Гнездо, выступивший в поход, простоял на границах своего княжества, так как Святослав Всеволодович Киевский, выехавший перед выступлением Игоря против половцев в Карачев (на границу с владениями Всеволода Большое Гнездо – М. М.) на тайную встречу с князем Владимиро-Суздальским, сумел уговорить его от похода воздержаться.

Надеясь на поддержку на флангах и на расчленение половецких сил, Игорь, совершая свой стремительный бросок к сердцу Половецкого поля, неожиданно для себя оказался один на один с объединёнными силами всех половецких войск, которым Игорь ценой своего плена и гибели дружины нанёс такой урон, что половцы не смогли в ближайшие годы серьёзно беспокоить своими набегами русские земли.

Участвовавший в походе Игоря и спасшийся вместе с младшими сыновьями Игоря морем князь Владимир Ярославич Галицкий, брат жены Игоря Евфросинии Ярославны, прибыв на Русь, пытался, как считают некоторые исследователи, организовать поход на половцев с целью освобождения Игоря. «...Но, пометавшись между князьями, Владимир Галицкий понял, что на половцев никто из них не пойдёт, и от Игоря просто-напросто избавились, как от претендента на великокняжеский престол», – пишет В. Д. Карпов [21, с. 205]. Более того, как утверждает Н. В. Переяслов, Святослав Киевский с сыновьями и Ярослав Черниговский направили свои дружины к границам Новгород-Северского княжества с тем, чтобы поделить оставшиеся без князей (Игорь с сыном Владимиром оставались в плену) земли [37, с. 191-192]. Н. В. Переяслов убеждён, что «главная угроза игоревой вотчине исходила не от границ со Степью, а изнутри, от Святослава и его сыновей» [37, с. 191]. Не случайно Игорь уже готов был смириться с потерей своих владений на Руси и остаться в Степи гостем хана Кончака. Как отмечает академик А. С. Орлов, «будучи в плену Игорь... свободно ездил на охоту со своими слугами, вызвал даже попа из Руси, думая остаться здесь надолго, «не ведаяшь бо божия промысла» [27, с. 20].

Тогда-то и пришлось Владимиру Ярославичу Галицкому менять задачу своей дипломатической миссии с организации общерусского похода против половцев на уговаривание русских князей не трогать владений князя Игоря, а хану Кончаку пришлось задуматься над тем, как бы организовать возвращение князя Игоря на Русь, обеспечив при этом неприкосновенность его владений. Такой расклад событий и заставил Владимира Ярославича Галицкого написать «Слово» и превратить своё дипломатическое обращение к князьям, оставшееся безответным, в обращение ко всему русскому народу. Такой поворот не устраивал Мономаховичей – против «Слова о полку Игореве» и его автора была развязана символическая война. В результате до нас не дошли произведения легендарного Бояна, до нас не дошла написанная Нестором-летописцем «Повесть временных лет» – её переписали в свою пользу Мономаховичи. И творения Бояна, и летопись Нестора, и «Слово» Владимира Галицкого были уничтожены и преданы забвению. Оporочено было и имя Владимира Галицкого. Очернение автора «Слова» было настолько мощно, что оно продолжилось даже в опере А. П. Бородин «Князь Игорь». Тем, кто ставит сейчас оперу на сценах, даже в голову не приходит, что в истории не было гуляки Владимира Галицкого. Был другой Владимир Галицкий – друг, соратник и биограф князя Игоря. Не случайно В. Д. Карпов считает, что «какие бы ни были заслуги у Бородина, оперу нужно или запретить, или показывать фрагментами, не компрометирующими гениального автора» [21, с. 231].

К счастью, Мономаховичам не удалось окончательно переписать историю. «Лазерным лучом света из мрачного царства того времени вспыхнуло гениальное произведение «Слово о полку Игореве» оклеветанного Владимира Галицкого», – пишет В. Д. Карпов [21, с. 242]. Увидевшее свет лишь на рубеже XVIII и XIX веков, то есть через шесть столетий после своего написания, оно лишь в конце XX века было прочитано Л. Е. Махновцом, В. Д. Карповым и Олжасом Сулейменовым так, как этого хотел сам автор, певец «Олегова хороброго гнезда», гнезда Олега, прозванного Гориславичем, который не сеял, в отличие от Владимира Мономаха, крамолу, а «ковал её мечом»; того Олега, внук которого Игорь, предательски оставленный другими князьями, в одиночку нанёс большой урон половцам в самом сердце Половецкого поля, в то время как другие князья, уклонившись от похода и узнав о пленении Игоря и его сына Владимира, думали не о борьбе с кочевниками, а о дележе земель Новгород-Северского княжества.

Академик А. С. Орлов угадал суть призыва автора «Слова» к единению русских князей. Это не просто «призыв русских князей к единению как раз перед нашествием... монгольских полчищ», как увидел суть «Слова» Карл Маркс [28, с. 16], назвав это «die Pointe des Gedichts» [27, с. 186]. «Автор «Слова», по утверждению академика А. С. Орлова, «зовёт княжескую братию к единению, нарушенному потомками «братолюбца Мономаха» [27, с. 140].

Таким образом, анализ обращений автора «Слова» к русским князьям позволяет твёрдо заявить, что автором этого интереснейшего произведения русской литературы был сын Галицкого князя Ярослава Осмомысла Владимир Ярославич Галицкий. Косвенно это подтверждает гнев Мономаховичей, победивших в борьбе за власть на Руси Ольговичей, на воспевавших подвиги Ольговичей вешего Бояна и гениального автора «Слова» Владимира Галицкого. Не случайно до нас не дошло ни одного произведения Бояна, а «Слово о полку Игореве» – лишь в единственном

списке и совершенно случайно, а сам автор предан как личность осмеянию, а как автор «Слова» – забвению. И гнев этот Мономаховичи умело передали потомкам, которые и представили автора «Слова» в совершенно невыгодном свете как гуляку и пьяницу в опере А. П. Бородин «Князь Игорь». И знают историки лишь великого князя Киевского Владимира Мономаха и его потомков, правивших на Руси до 1613 года, а великого князя Киевского Игоря Святославича помнит только православная церковь, и помнит как святого страстотерпца, а не как историческую личность. Великого князя Киевского Олега, построившего церковь Богородицы Пирогощей (Пирготиссы, что в переводе с греческого означает «нерушимая стена»), все знают как Олега Гориславича, князя Черниговского, у которого Владимир Мономах отнял Чернигов. Не удалось скрыть, что Владимир Мономах, помышляя о Суде Божьем, просил у князя Олега прощения за Чернигов. Его покаянное письмо Олегу случайно вошло в его «Поучение» в очень сокращённом виде, но то, что Мономах считал захват Чернигова грехом и полагал необходимым в этом грехе каяться – это факт [21, с. 38], [29, с. 140]. А ведь Олег займёт по праву старшинства в роду Рюриковичей Киевский престол, как занимал его по праву его дядя Игорь Святославич, как этот престол займёт потом его внук, другой Игорь Святославич, которого мы также не знаем как великого князя Киевского, а только как удельного князя Новгород-Северского и героя «Слова о полку Игореве».

Мономаховичи вычеркнули Ольговичей из истории, уничтожили все произведения Бояна, все экземпляры, кроме одного случайного списка «Слова о полку Игореве».

Так, придворные летописцы Мономаховичей и продолжатели их дела, российские историки, изменили историю Руси. Это подтверждает известный афоризм Андре Моруа, который на вопрос, кто больше изменил историю – Цезарь или Наполеон, ответил: «Историю больше всего изменили историки» [38, с. 1].

Интересно, что нашу концепцию об авторе «Слова» и нашу оценку исторического периода борьбы за власть Ольговичей и Мономаховичей подтверждает анализ тюркизмов в «Слове о полку Игореве». При этом мы берём не такие несущественные эпизоды как толкование «кур» Тмутороканя, как стен, а не как домашней птицы [30, с. 291-295], а «Бояна» и «Ходыну» не как певцов Ольговичей (Ходыну даже называют возможным автором «Слова о полку Игореве») [16, с. 294], [31, с. 126], а как Байан (госпожа, дама) и Кадын (женщина, госпожа). Последнее толкование, тюркское, вполне логично, если отнести Байан к половчанке, жене деда князя Игоря, Олега, а Кадын к половчанке, жене отца Игоря, Святослава. Буква «о» в «Ходыне», поставленная переписчиком «Слова» выдаёт северный диалект хана Гзака, а сама фраза является логическим завершением разговора Кончака и Гзака о женитьбе Владимира Игоревича на дочери Кончака Свободе. Славянское имя ей дала русская мать. Гзак, сомневаясь в целесообразности такого брака, приводит примеры брака с половчанками деда и отца князя Игоря. А «оканье» Гзака передалось к современным русским волжанам, потомкам северной ветви кипчаков. Сходную мысль высказывает и Олжас Сулейменов [16, с. 294].

Русский по матери и женатый на русской хан Кончак мог опасаться мести Гзака за поражение в набеge на Русь, которая могла обрушиться на князя Игоря и его сына, что и ускорило отъезд князя Игоря от гостеприимного свата, как совершенно

справедливо полагает Н. В. Переяслов [37, с. 190-191]. Намёк Гзака на то, что отец князя Игоря Святослав и его дед Олег были женаты на половчанках, подтверждает наше и Олжаса Сулейменова мнение о «Бояне» и «Ходыне» как о женах Олега и Святослава в качестве аргумента Гзака в споре с Кончаком.

Попробуем воспользоваться тюркизмами для толкования, пожалуй, самой существенной части «Слова», «сна Святослава».

Интересно, что близко подошёл к нашему пониманию «сна Святослава» М. П. Алексеев [11]. Не случайно его анализ тюркизмов в «Слове о полку Игореве», а также анализ тюркизмов в «Слове о полку Игореве» А. Л. Никитина [12] послужили источником для работы Е. В. Чернышевой «Образ птицы и коня в крымскотатарском и украинском народном творчестве» [13, с. 65-72]. Есть информация о тюркизмах в «Слове о полку Игореве» в работах С. Е. Малова [14, с. 230] и Н. А. Баскакова [15, с. 231], [17, с. 59-68]. Но больше всех над этой проблемой поработал Олжас Сулейменов [16, с. 395-590].

Именно под знаком открытых и истолкованных О. О. Сулейменовым «видимых» и «невидимых» тюркизмов мы и прочли «сон Святослава». И читали мы не протограф «Слова», которого мы уже никогда не увидим, а неоднократно переписанный текст, как никогда не увидим и подлинной «Повести временных лет», хотя и знаем, что написал её Нестор-летописец. Знаем мы уже и автора «Слова», шурина князя Игоря, брата его жены Евфросинии Ярославны, сына Галицкого князя Ярослава Осмомысла Владимира Ярославича Галицкого. Переписчики, владевшие половецким языком гораздо хуже Владимира Ярославича, конечно, исказили текст «Слова». Но и такой текст позволяет нам сказать следующее: в «сне Святослава» мы видим предупреждение Мономаховичам, подкреплённое обращением автора «Слова» к отцу, уже открывавшему однажды «ворота Киева», – не трогайте владений князя Игоря, иначе его тесть снова откроет ворота Киева, киевский престол останется без князя («престол без князя», а не «терем без конька») [16, с. 436], а незадачливого Киевского князя похоронят «тощие» «половецкие вдовы» («тула» – вдова, а не «тул», что означает колчан) [16, с. 435] по половецкому, тенгрианскому, обряду, посыпая его тело жемчугом.

Но откуда автор «Слова» так хорошо знал половецкий язык и половецкие обычаи? С князем Игорем всё ясно – его воспитывали половчанки: мать, жена отца Игоря, Святослава, и бабушка, жена деда, Олега Гориславича. Владимир Ярославич – галичанин. Его отец, Ярослав Осмомысл, «подпирал горы венгерские». Современные закарпатцы в массе своей хорошо знают венгерский язык. Даже ничему не учившиеся жёны советских офицеров в Закарпатье знали по-венгерски два «волшебных» слова «тешек» и «кёсёном» («пожалуйста» и «спасибо»). А соседи галичан, венгры, пришли на Дунай не одни – в составе орды Арпада кроме венгерских кочевников были и половцы. Их город, Дебрецен (Дебрекент, железный город, – М. М.), расположен на востоке Венгрии, на границе с владениями Ярослава Осмомысла. Кстати, Осмомыслом назвал отца именно автор «Слова» и с его подачи за Галицким князем и закрепилось это прозвище, очередной «невидимый» тюркизм, калька кипчакского «сегизкырлы» [16, с. 430]. Как отмечает венгерский тюрколог Ю. Немет, венгерские половцы, совершенно забыв к XX веку родной язык, сохранили в памяти имя своего древнего бога, Тенгри-хана. Ему молились потомки кипчаков, выходя после официального богослужения в католических храмах, ...они

садились в круг начинать нехристианскую молитву... Тенгри, Тенгри, амен! Тенгри, Тенгри, амен!» [16, с. 577]. А половецкий Дебрекент за это время легко превратился в венгерский Дебрецен (Debrecen). Латинская буква «с», звучавшая в старой латыни в любой позиции как «к» позже стала звучать перед буквой «е» как «ц». Так Дебрекент стал Дебреценом, а дебре – это чисто половецкий термин для обозначения железа, и странная «дебрь Кисаню» из текста «Слова» не имеет никакого отношения к каким-либо дебрям – это железные путы, приготовленные половцами для коварных Мономаховичей [16, с. 437]. Венгерские половцы XII века вполне могли служить в гвардии Ярослава Осмомысла, как служили ковуи Ольговичам, а чёрные клобуки, каракалпаки, Мономаховичам. «В войсках киевских князей, – писал В. А. Пархоменко в своих «Следах половецкого эпоса в летописях», – воины-тюрки составляли значительный процент. И управлять ими можно было, зная их язык» [16, с. 513].

Олжаса Сулейменова поразило то, как разбирался автор «Слова» в половецком языке и его наречиях, как он сумел выделить «оканье» хана Гзака, характерное для северных наречий. «... Читая «Слово», я неоднократно убеждался – Автор знал один из тюркских языков и разбирался в наречиях» [16, с. 476]. Это не удивительно. Не случайно автор «Слова» называет отца «Осмомыслом». Он сам, если и не смог сразу унаследовать отцовских владений, то, как истинный старший сын, унаследовал и умножил его мудрость.

Нелегко дался Олжасу Омаровичу его научный подвиг. Ему пришлось пережить такой удар как постановление Бюро ЦК КП Казахстана от 17 июня 1976 г. «О книге О. Сулейменова «Аз и Я», крестовый поход против него таких авторитетных учёных, академиков и профессоров таких как Д. С. Лихачёв, Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов, А. Кузьмин во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарём ЦК КПСС, главным идеологом страны малограмотным М. А. Суловым.

Олжас Омарович в этой борьбе вышел победителем. Сыграли свою роль его «Открытое письмо» Члену Политбюро ЦК КПСС, Первому Секретарю ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаеву, Членам Бюро ЦК КП Казахстана [18, с. 587-590], а также поддержка действительного члена АН СССР А. Новиченко, действительного члена АН Узбекистана М. Нурмухамедова, писателей Чингиза Айтматова и Эдуардаса Межелайтиса, поэтов Роберта Рождественского и Н. Федоренко, не испугавшихся «устрашающей» критики с «высот» коммунистической идеологии. «Постановка вопроса о Вашей книге, взгляд на историю, которая отнюдь не дышло – куда повернешь, туда и вышло, мне близки и дороги как советскому писателю, как русскому интеллигенту, наконец, просто как человеку, с детства пристрастному к истории своего народа...», – писал 21 сентября 1975 года Олжасу Омаровичу Константин Симонов [19, с. 587]. На этой ноте и следует закончить разговор об очередных, на этот раз весьма и весьма убедительных объяснениях «тёмных» мест из «Слова о полку Игореве».

Но без этого, не осознавая прошлого, мы, как убеждён Олжас Сулейменов, «забудимся в настоящем, как Иваны и Ахметы, не помнящие родства друг с другом [19, с. 590].

Чтобы не заблудиться в настоящем, следует вспомнить, что у князя Игоря бабушка и мать были половчанками, у хана Кончака мать и жена были русскими, а общий внук князя Игоря и хана Кончака Юрий Владимирович родился в

половецкой степи и погиб, защищая родные кочевья от монгольских захватчиков уже не в качестве русского князя, а в качестве половецкого хана. Вспомним, и не будем Иванами и Ахметами, не помнящими родства друг с другом.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

личность «неизвестного» автора «Слова о полку Игореве» обрела значение символа задолго до того, как стало известно его подлинное имя;

личность автора «Слова о полку Игореве» была установлена Л. Е. Махновцом в 1985 году; это – сын князя Ярослава Осмомысла, брат жены князя Игоря Евфросинии Ярославны, Владимир Ярославич Галицкий;

история Руси в момент написания «Слова о полку Игореве» развивалась под знаком борьбы за власть Мономаховичей и Ольговичей; в этой борьбе автор «Слова» был на стороне Ольговичей;

победившие в борьбе за власть Мономаховичи приступили к уничтожению экземпляров направленного против них произведения, дискредитации его автора, а само произведение, на всяки случай, переписали в свою пользу;

усилия потомков Мономаховичей и их сродственников Романовых привели к тому, что Владимир Ярославич Галицкий был объявлен «развратником и пьяницей», а из коренным образом переделанных списков его произведения к началу XIX века сохранился лишь один, причём и тот сгорел в московском пожаре периода Отечественной войны 1812 года;

в настоящее время мы имеем дело лишь с копией этого переделанного списка и с не самыми лучшими его переводами на современный русский и другие языки;

трудность перевода связана с обилием в тексте «Слова» тюркизмов, на что обращали внимание и М. П. Алексеев, и Н. А. Баскаков, и С. Е. Малов, и А. Л. Никитин;

решающий вклад в изучение тюркизмов в «Слове о полку Игореве» внёс казахский писатель Олжас Сулейменов;

на основе анализа тюркизмов «Слова о полку Игореве» и была восстановлена схема борьбы за власть заклятых врагов половцев Мономаховичей и роднившихся, по крайней мере, в четырёх последних поколениях с половцами, Ольговичей;

эта схема во многом объясняет все странности и несуразности провокационных набегов Мономаховичей на половецкие кочевья и спровоцированного ими похода Игоря в Половецкую степь;

князь Игорь никогда бы не решился на сепаратный поход в Степь, если бы ему не внушили, что вместе с ним пойдут и Святослав Киевский, и Всеволод Владимиро-Суздальский, которые его предали;

поход половца по матери князя Игоря против русского по матери хана Кончака не закончился тем, чего так хотели Мономаховичи, а именно гибелью обоих их врагов; он закончился тем, чем и должен был завершиться – свадьбой сына Игоря Владимира и дочери Кончака Свободы;

в свете этих событий символ автора «Слова» и обрёл плоть и кровь в лице шурина князя Игоря князя Владимира Ярославича Галицкого; помог этому обретению в частности анализ тюркизмов в «Слове о полку Игореве»;

трудно было бы решить задачу доказательства факта написания «Слова о полку Игореве» князем Владимиром Ярославичем Галицким без операции восстановления

образа автора «Слова» по его действующему символу в соответствии с концепцией парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций.

Список литературы:

28. Кузьмина В. Д. Мог ли архимандрит Иоиль написать «Слово о полку Игореве»? / В. Д. Кузьмина // Известия Отделения Литературы и языка АН СССР. – 1966. – Т. 25. – Вып. 3. – С. 197-207.
29. Лихачёв Д. С. «Слово о полку Игореве» – героический пролог русской литературы / Д. С. Лихачёв. – Л., 1967. – 120 с.
30. Лихачёв Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени / Д. С. Лихачёв. – Л., 1978. – 359 с.
31. Лихачёв Д. С. И снова «Слово о полку Игореве»: историко-литературный очерк / Д. С. Лихачёв. – М., 1982. – 176 с.
32. Лихачёв Д. С. В защиту «Слова о полку Игореве» / Д. С. Лихачёв // Вопросы литературы. – 1984. – № 12. – С. 80-99.
33. Дмитриев Л. А. К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве» / Л. А. Дмитриев // Русская литература. – 1986. – № 4. – С. 3-24.
34. Котляр М. Ф. Загадка Святослава Всеволодовича Киевского / М. Ф. Котляр // Украинский исторический журнал. – 1967. – № 6. – С. 104-109.
35. Махновец Л. Про автора «Слова» / Л. Махновец // Пам'яки України. – 1985. – № 3. – С. 24-27.
36. Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники / Б. А. Рыбаков. – М., 1971. – 296 с.
37. Робинсон А. Н. «Русская земля» в «Слове о полку Игореве» / А. Н. Робинсон // Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР. – Л., 1976. – Т. 31. – С. 123-136.
38. Алексеев М. П. К «сну Святослава» в «Слове о полку Игореве» / М. П. Алексеев // «Слово о полку Игореве». – М. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1950. – 397 с.
39. Никитин А. Л. «Слово о полку Игореве». Тексты. События. Люди. Исследования и статьи / А. Л. Никитин. – М.: Интеграф сервис, 1998. – 424 с.
40. Чернышева Е. В. Образы птицы и коня в крымскотатарском и украинском песенном творчестве / Е. В. Чернышева // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 152. – С. 65-72.
41. Малов С. Е. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве» / С. Е. Малов // Слово о полку Игореве. 800 лет: Сборник. – М.: Советский писатель, 1986. – 576 с. – С. 230.
42. Баскаков Н. А. Половецкие отблески в «Слове о полку Игореве» / Н. А. Баскаков // Слово о полку Игореве. 800 лет: Сборник. – М.: Советский писатель, 1986. – 576 с. – С. 231.
43. Сулейменов О. О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя: о «Слове о полку Игореве» / Олжас Сулейменов // Сулейменов Олжас. Аз и Я: эссе, публицистика, стихи, поэмы. – Алма-Ата: Жалын, 1989. – 592 с. – С. 395-590.
44. Баскаков Н. А. Ещё о тюркизмах «Слова о полку Игореве» Н. А. Баскаков // Исследования и материалы по древнерусской литературе: «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI-XVII веков. – М., 1978. – С. 59-68.
45. Сулейменов О. О. Открытое письмо Члену Политбюро ЦК КПСС, Первому секретарю ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаеву, членам Бюро ЦК КП Казахстана / Олжас Сулейменов // Сулейменов Олжас. Аз и Я: эссе, публицистика, стихи, поэмы. – Алма-Ата: Жалын, 1989. – 592 с. – С. 587-590.
46. Сулейменов О. О. Послесловие ко 2-му изданию / Олжас Сулейменов // Сулейменов Олжас. Аз и Я: эссе, публицистика, стихи, поэмы. – Алма-Ата: Жалын, 1989. – 592 с. – С. 586-590.
47. Коган В. М. История дома Рюриковичей / В. М. Коган. – СПб.: Издательский дом «Бельведер», «Астра-Люкс», 1994. – 287 с.
48. Карпов В. Д. Герои «Слова о полку Игореве» и его автор / В. Д. Карпов. – Симферополь: АО «Елена», 1994. – 320 с.
49. Слово о полку Игореве. Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова // Слово о полку Игореве. 800 лет: Сборник. – М.: Советский писатель, 1986. – 576 с. – С. 11-27.

50. Слово о плъку Игореве. Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова // Слово о полку Игореве. 800 лет: Сборник. – М.: Советский писатель, 1986. – 576 с. – С. 254-257.
51. Слово про Игорів похід // Слово о полку Игореве. 800 лет: Сборник. – М.: Советский писатель, 1986. – 576 с. – С. 297-349.
52. Слово о полку Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова // Слово о полку Игореве. 800 лет: Сборник. – М.: Советский писатель, 1986. – 576 с. – С. 350-365.
53. Шкляревский И. И. С ястребом на плече / И. И. Шкляревский // Литературная газета. – 1985. – № 44.
54. Орлов А. С. «Слово о полку Игореве» / А. С. Орлов. – 2-ое изд. доп. – М. – Л.: АН СССР, 1946. – 216 с.
55. Маркс К. Маркс – Энгельсу в Манчестер [Лондон], 5 марта 1856 г. / Маркс К. // Маркс К. Собрание сочинений, 2е изд. : [в 50 т.] . – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961 – Т. 29. – С. 16-23.
56. Орлов А. С. Переписка Маркса и Энгельса по поводу «Слова о полку Игореве» / А. С. Орлов // Орлов А. С. «Слово о полку Игореве». Второе дополненное издание. – М. – Л.: АН СССР, 1946. – 216 с. – С. 176-192.
57. Захаров В. Л. Что означает «... до курь Тмуроканя» в «Слове о полку Игореве»? / В. Л. Захаров // Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР. – Л., 1976. – Т. 31. – С. 291-295.
58. Рыбаков Б. А. Кто же автор «Слова о полку Игореве» / Рыбаков Б. А. // Слово о полку Игореве. 800 лет: Сборник. – М.: Советский писатель, 1986. – 576 с. – С. 115-119.
59. Масаев М. В. Парадигмальные образы как символы эпох / Масаев М. В. // Культура народов Причерноморья. – 2000. – № 14. – С. 132-136.
60. Кузьмин В. П. Принципы системности теории и методологии К. Маркса. / В. П. Кузьмин – 3-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1986. – 398 с.
61. Розенталь М. М. Диалектика ленинского исследования империализма и революции / М. М. Розенталь. – М.: Мысль, 1976. – 520 с.
62. Маковский М. М. Язык – миф – культура: символы жизни и жизнь символов / М. М. Маковский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 73-96.
63. Масаев М. В. Образы и символы пассионарных личностей в свете теории этногенеза Л. Н. Гумилева и концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов / М. М. Масаев // Культура народов Причерноморья. – 2010. – № 179. – С. 178-193.
64. Переяслов Н. В. Как бежал из плена князь Игорь? / Н. В. Переяслов // Вопросы истории. – 1994. – № 7. – С. 190-191.
65. Гусяров Е. Н. Христос в жизни: Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, исторических версий / Е. Н. Гусяров. – М.: ОЛМА – ПРЕСС, Звёздный мир, 2002. – 735 с.
66. Масаев М. В. Владимир Ярославич Галицкий и его «Слово о полку Игореве» // Масаев М. В. Философия истории. Учебно-методическое пособие. – Симферополь: ДОЛЯ, 2008. – 304 с. – С. 156-158.
67. Масаев М. В. Curriculum vitae парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций. Монография / М. В. Масаев. – Симферополь: ДОЛЯ, 2011. – 512 с. – С. 415-426.
68. Масаев М. В. Автор «Слова о полку Игореве» известен / М. В. Масаев // Тамбовский курьер. – 2010. – № 36. – 7 сентября. – С. 28-29. – № 37. – 14 сентября. – С. 28.
69. Масаев Михайло. Невизнаний чи невідомий? / М. Масаев // Кримська світлиця. – 2012. – № 28 (1705). – 13 липня. – С. 11.
70. Масаев М. В. Борьба вокруг «Слова о полку Игореве» продолжается / М. В. Масаев // Наш голос. – 2013. – № 11 (805). – 14 марта. – С. 7.

Масаев М. В. Образне втілення символу автора «Слова про похід Игорів» (філософсько-історичний аспект у контексті концепції парадигмальних образів і символів епох і цивілізацій) // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2014. – Т. 27 (66). – № 1-2. – С. 279–291.

Аналізуючи невидиму структуру символу автора «Слова», автор статті доводить вірність відкриття, зробленого у 1985 р. Л. Є. Махновцем про те, що автором «Слова» є князь Володимир Ярославич

Галицький, при цьому автор виявляє повну відповідність видимого образу до невидимої структури символу.

Ключові слова: образ, символ, постать.

Masayev M. V. Image incarnation of the symbol of the author of the “Song of Igor’s campaign” (philosophy and history aspect in the context of conception of the paradigmatic images and symbols of epochs and civilizations) // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014.– Vol. 27 (66). – № 1-2. – P. 279–291.

Analysing the invisible structure of the symbol of the author of the “Song of Igor’s campaign”, the author of the article proves the rightness of the discovery done in 1985 by L. E. Makhnovets about of the author of the “Song of Igor’s campaign” is the prince of Galich Vladimir Yaroslavich, having found the complete correspondence between the visible image and the invisible structure of the symbol.

Key words: image, symbol, personality.